

© 2010 г.

А.Н. ЕРМОНСКИЙ

ИСТОРИЯ ДЛЯ СОВРЕМЕННОКОВ (О НОВОЙ КНИГЕ К.Н. БРУТЕНЦА)

На первых страницах очерка “Жизнь Наполеона”, писавшегося при жизни уже опального Бонапарта, Стендаль оговаривает, что написанное им “не есть история в собственном смысле этого слова; это – история для современников, очевидцев событий”. Замечание, по-моему, точно характеризующее извечное стремление людей по горячим следам вынести приговор свершившемуся на их глазах. Удачны ли такие попытки, нет ли, разделяют оценки и выводы их авторов современники либо с порога их отменяют, десятилетия спустя подобного рода сочинения с интересом прочтывают те, кто берется за написание “истории в собственном смысле этого слова”. Да, преимущества потомков бесспорны: возможность взглянуть на застывшее прошлое с перспективы, воспользоваться грудами открывшихся документов, знание последствий проводившейся или не проводившейся государственными деятелями политики. Все так. Но добросовестно написанная “история для современников” порою дает потомкам единственную возможность взвесить и оценить провидения и просчеты, надежды и иллюзии, которые лежали в основе решений, принимавшихся или не принимавшихся политиками, понять мотивы, которыми руководствовались современники, одобрявшие или категорически их отвергавшие. Ведь для “очевидцев событий” эти провидения и просчеты, надежды и иллюзии составляли *реальность*, которая казалась им непреложной и объективной, и, стало быть, они определяли и их поведение, и их отношение к происходящему, можно сказать, были живыми чертами живого лица их эпохи. А без знакомства с этим “лицом” историку, думается, в истории и делать нечего.

Новая книга доктора исторических наук К.Н. Брутенца¹, о которой пойдет речь, принадлежит как раз к разряду “истории для современников”. Заглавие ее, правда, способно насторожить читателя, еще не успевшего книгу раскрыть. Позвольте, мол, отчего же закат? Когда это была американская гегемония безусловной реальностью? Споры нет, в смутные для нас 90-е годы Россия практически с международной арены ушла, и это вроде бы способствовало утверждению там американского “единовластия”, но разве не было это “единовластие” далеко не абсолютным, зыбким и недолгим? Разве попытка Вашингтона начать строительство вечного “*Rex Americana*” так и не осталась попыткой? Разве это не она ускорила и мировой финансово-экономический кризис, и заметное размывание позиций США в мире, и приход к власти в Вашингтоне новой администрации, заявившей о намерении от такого рода попыток отказаться? Автор, разумеется, эти вопросы стороной не обходит, но он, судя по всему, хотел сказать – и сказал – в сущности, совсем о другом. В коротком “Заключении” он вспоминает, как в середине 90-х годов Г. Шмидт (социал-демократ, в 70-х годах – канцлер ФРГ) убеждал его: “XXI век будет самым опасным со времен рождения Христа”. Тогда, признается К.Н. Брутенц, он «пропустил это мимо ушей – только что окончилась “холодная война” и нам рисовали безоблачную картину “нового мирового порядка”, с мирным,

¹ Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. Конец однополярного мира и великая геополитическая революция. М., 2009, 510 с.

дружественным сотрудничеством государств. Теперь я бы отнесся к его словам иначе» (с. 509).

Почему – иначе? Об этом, строго говоря, и вся книга К.Н. Брутенца.

Автор называет “холодную войну” несговорчивым покойником (с. 10). И он прав: трудно с точностью сказать, когда именно она закончилась. С приходом ли М.С. Горбачёва, объявившего о новом политическом мышлении (оно стало модернизацией “хрущёвско-ленинского мирного сосуществования”: стремлением не просто исключить возможность ядерного конфликта, но и заменить “классовое противоборство” двух сверхдержав их “соперничеством и сотрудничеством”)? С выводом ли наших войск из Афганистана? С падением ли Берлинской стены? С появлением ли на развалинах СССР новой России, которая готова была на несоразмерные уступки США, лишь бы отвоевать себе несколько лет, чтобы начать вставать с колен, как выражался в те годы Ельцин? А может, с приходом в Кремль Путина, который уже в новом тысячелетии жёстко расставил акценты в своей знаменитой речи в Мюнхене на Конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г., фактически подведя черту под расчетами Вашингтона законсервировать однополярный мир?

Да и какое значение это имеет сегодня? Будущие историки, наверное, установят точную дату завершения “холодной войны”, но само по себе это вряд ли поможет и им лучше разобраться в проблемах конца XX – начала XXI в. И Брутенц не тратит время на поиски ответа на этот вопрос. Он предлагает задуматься над феноменом “холодной войны”, логика и стереотипы мышления которой до сих пор так и не изжиты из международных отношений.

Началась она, как известно, не сразу после октябрьской революции в России, а 30 лет спустя – после окончания Второй мировой войны. Только выход советской политической модели за границы СССР, возникновение огромной советской империи (сначала “стран народной демократии”, потом “социалистического лагеря”, включившего в себя и Китай), получившей, как и “западная империя” под эгидой США, в свое распоряжение ядерное оружие, на полвека превратил соперничество этих двух мировых сил в ось международной политики. И именно такое геополитическое соперничество в ядерный век, напоминает Брутенц, породило понятие сверхдержавность.

Все это вещи достаточно известные. Но они нужны автору для того, чтобы, подробно остановиться на поразительном, по его словам, сходстве «между важнейшими сторонами внешней политики США и СССР – в *главной цели* (стремление к удержанию и укреплению положения гегемона в своей сфере влияния и к осторожному, учитывая примерное равновесие военно-политических потенциалов, ее расширению), в стратегии и ее практической реализации, в идеологическом обосновании собственного поведения на международной арене и приемах глобальной пропагандистской войны с “главным противником”, наконец, в отношениях с союзниками» (с. 12). Несходства в политике двух сверхдержав, разумеется, были, порой весьма заметные, но они все же носили второстепенный, скорее даже декоративный характер.

На Западе в серьезных исследованиях времен “холодной войны” подобные мотивы звучали не раз. Но для советской науки и публицистики это была, строго говоря, тема запретная. В определенной степени, как ни странно, она и в новой России приветствуется не всеми. А между тем, подробный анализ сходств в политике США и СССР времен “холодной войны”, которому автор посвящает немало места, позволяет многое понять в поведении Вашингтона и Москвы сразу же после 1991 г., в 90-е годы, да и сейчас: ведь рецидивы если не политики, то мышления, свойственного “холодной войне”, даже в новом столетии порой отягощают подходы двух держав к мировым делам.

К.Н. Брутенц обращает внимание на то, что разговоры об идеологическом соперничестве (одни провозглашали себя борцами “за революционное обновление мира, против империализма”, другие – “за торжество демократии и права человека, против тиранических режимов”) служили дымовой завесой, камуфляжем политического противоборства между двумя сверхдержавами. И СССР, и США делали ставку на политику с позиции силы, на то, чтобы с её помощью (включая и локальное применение

силы) экспортировать либо “свободу, независимость и демократию”, либо “свободу, независимость и социализм”. Компромиссы же (мирное сосуществование) допускались ради сохранения статус-кво (когда и если ему что-то угрожало, или одной из сверхдержав казалось, что угрожало), а также ради того, чтобы потеснить противника, но опять же, не нарушая общего баланса сил. Когда в 1968 г. была подавлена “пражская весна”, Запад, блюдя этот баланс, и пальцем не пошевелил, ограничившись кампанией громогласных протестов. Тогда же заговорили о брежневской доктрине “ограниченного суверенитета”. Но это не было находкой советского лидера. Обе сверхдержавы придерживались именно такой доктрины в отношениях с теми, кто входил в сферы их господства и влияния. Сильное впечатление производит приводимый автором на с. 55–60 подробнейший “послужной список” (неполный, по его словам) военно-силовых акций США за 1819–1998 гг., “имевших захватнические цели и нередко отмеченных особой жестокостью”. Факты эти широко известны. Но собранные вместе они позволяют яснее понять, что когда за океаном говорят о прагматизме своей внешней политики, там нередко имеют в виду собственный эгоистический интерес, собственные выгоды. Причем интерес этот непременно отождествляют с интересами либо сохранения мира, либо укрепления международной безопасности, либо защиты свободы и демократии. СССР давно уже нет, а США, судя по всему, все еще не расстались окончательно ни с такого рода политикой, ни с такого рода двойной бухгалтерией.

Сейчас, когда “информационная революция” обрела поистине всемирные масштабы, ее фантастические возможности по обработке общественного мнения разного рода силами и на Западе, и на Востоке, могут быть использованы не для просвещения или поисков истины, а для достижения выигрыша в том, что всегда называлось “психологической войной”, которая своим рождением тоже обязана “холодной войне”. Ведь именно во второй половине XX в. средства массовой информации по обе стороны баррикад служили рупором идеологической конфронтации, орудием оправдания и обоснования имперской внешней политики. Они постепенно превратились (на Западе в куда большей степени) в самостоятельную силу, оказывавшую заметное влияние на утверждение и в собственной стране, и за ее пределами системы стереотипов массового сознания, которые (стереотипы) и которое (массовое сознание, на них замешанное) служили идеологической, а в известной мере и этической подпоркой “холодной войны”. В 80-е годы, когда “холодная война” стала постепенно угасать, СССР и США, по крайней мере, на словах, согласились с необходимостью “деидеологизации международных отношений”. Но если в 90-е годы Москва и Пекин (первая из-за смены общественного строя, второй – из практических соображений), напоминает Брутенц, “отказались от внешней политики как проводника определенной идеологии” (с. 26), США же, попытавшись закрепиться на позициях единственной сверхдержавы, от ставки на своего рода имперское мессианство не отказались. Приход к власти Б. Обамы породил надежды на то, что в Вашингтоне осознают риски, связанные с раздуванием такого рода информационной войны, способной перерасти в холодную. Оправдаются ли они, пока неясно.

Возможна или невозможна в нынешнем столетии тотальная победа в информационной войне – это еще большой вопрос. Но бесспорно: расширение ее масштабов, совершенствование методов ее ведения поощряет нарастание шовинистических, националистических, экспансионистских настроений в политических элитах разных стран, что, считает Брутенц, подталкивает, ускоряет и углубляет эрозию духовно-нравственного потенциала, девальвацию или даже утрату ценностей в мировом сообществе (с. 39). И это еще один серьезный вызов мировому сообществу в нынешнем столетии.

* * *

Развал СССР, одной из двух сверхдержав, которые, словно атланты, поддерживали над миром небосвод, поставил под вопрос многие, если не все вообще принципы, служившие в течение полувека фундаментом мирового порядка. В 1991 г. человечес-

тво столкнулось с проблемами, пожалуй, неизмеримо более сложными, чем в 1918 и в 1945 годах: грозил вздрезать развалиться мир, сжившийся с ядерным оружием, научившийся выживать в условиях жесткой конфронтации. А это накладывало и на США, и на новую Россию, огромную ответственность. Но это же породило немалые соблазны, искушавшие и Белый дом, и Кремль.

Для США искушение состояло в том, чтобы, воспользовавшись исчезновением одного из полюсов в мировой политике, установить в ней свои правила игры, не считаясь ни с международным правом, ни с интересами и безопасностью всех остальных государств. И Вашингтон поддался такому искушению едва ли ни со страстью. Брутенц во второй части книги «“Революция” Буша» обстоятельно прослеживает процесс воплощения подобного искушения в американскую внешнеполитическую стратегию.

Исходной точкой автор считает 11 сентября 2001 г. Беспрецедентный, циничный террористический акт в Нью-Йорке обернулся для США не просто страшнейшей трагедией: он поставил под сомнение традиционную убежденность миллионов американцев в своей исключительности, в том, что их страна неуязвима, что она надежно защищена от любых внешних угроз. И как следствие, считает Брутенц, он стал мощным стимулом оживления всякого рода радикальных настроений в обществе, на волне которых попытались, как вскоре выяснилось, безуспешно, штурмовать власть представители ультраконсервативных сил в США – неоконсерваторы, или неокконы. Базовым же элементом американского неоконсерватизма, пишет автор, было и остается “упоение и опьянение силой” (с. 98). И напоминает: всего лишь за год до трагедии в Нью-Йорке неокконы заявляли о том, что «жаждут нового Пирл-Харбора для того, чтобы “катализировать” американский народ на поддержку планов мировой геополитической гегемонии США на основе применения военной силы». Кстати, продолжает Брутенц, таким Пирл-Харбором и стала трагедия в Нью-Йорке, что побуждает некоторых наблюдателей считать ее спровоцированной самой американской администрацией (с. 101). Верно или нет последнее (мне оно кажется сомнительным), факт остается фактом: при Буше неокконы вошли во власть и оказали решающее воздействие на формирование так называемой доктрины Буша. Автор характеризует ее лаконично и жестко: «Если выбраться из-под вороха демократической риторики, обнаруживается, что “доктрина Буша” фактически объявляла насилие или даже войну естественным методом взаимоотношений с “неразвитой” частью планеты, т.е. большинством ее населения» (с. 143).

Квинтэссенцией “доктрины Буша”² Брутенц, называет войну в Ираке. В главе “Иракский поход американского президента” он подробно описывает причины и предпосылки этого похода, анализирует отношение к нему в США и за их пределами и приходит к выводу, что операция в Ираке не только доказала нежизненность и опасность для мира “доктрины Буша”. Она, что еще важнее, положила начало кризису однополярного мира, поскольку, как пишет автор, “с самого начала не была ни локальным, ни даже региональным событием. Здесь на практике единственная сверхдержава попыталась реализовать свое видение будущего мира. Она двинулась в путь – к завоеванию глобальной гегемонии” (с. 184). Но это стало предвестием заката американского курса на гегемонию в однополярном мире. И не в последнюю очередь потому, что мир, по существу, уже снова переставал быть однополярным.

Книга К.Н. Брутенца подписана в печать в июле 2009 г., т.е. в первые месяцы после переезда Б. Обамы в Белый дом. Тогда еще неясно было, насколько предвыборные обещания нового президента порвать с доктриной Буша оправдаются. Впрочем, и сейчас, в сущности, тоже. Согласимся с автором: пока трудно избавиться от впечатления, что правящая элита США «ничему в принципиальном отношении не научилась. Причем не только на собственном внешнеполитическом опыте, но и на опыте бывшего своего идеологического противника. Она все еще накрепко привязана к формуле американс-

² Ее еще называют “революцией Буша”; а вот заимствованный автором термин “бушизм” мне не кажется ни удачным, ни долговечным.

кой исключительности и вытекающей из нее претензии на “лидерство” – глобальное руководство» (с. 394). Но это ведь отнюдь не только внутреннее дело американцев: такая “политическая неуспеваемость” США представляет сегодня серьезную опасность и для них самих, и для всего мира.

* * *

Самую объемную часть книги автор назвал так: “Шагреновая кожа империи”. Она посвящена теме, которую Брутенц формулирует следующим образом: “Если оставить за скобками динамику развития самих США и их возможную политику, судьбы американской гегемонии зависят от внешней среды, от позиции и возможностей других членов международного сообщества, прежде всего наиболее влиятельных: Европейского Союза, Китая, России, Индии, Бразилии. И эта среда отнюдь не нейтральна: гегемония США сталкивается с препятствиями, а нередко – с прямым сопротивлением” (с. 229).

Автор, разумеется, далек от манихейского взгляда на мир, от бездумных надежд на создание некоего “антиамериканского фронта”. Он пытается оценить, насколько эта самая “внешняя среда” готова и способна поддержать реалистические настроения в администрации Б. Обамы, насколько весомы и стабильны эти настроения за океаном. И тут тоже, пожалуй, ясности пока нет.

На вопрос «может ли Европа сказать “нет”?» автор дает – отнюдь не без оснований! – уклончивый ответ: и да, и нет. Конечно, после прихода к власти в Вашингтоне администрации Б. Обамы шансы на гармонизацию отношений США с Европой заметно возросли. Что это даст остальному миру? Ни автору, ни нам, сегодняшним читателям его книги, трудно предугадать, что именно. Согласимся с Брутенцем в том, что «Европа может сказать “нет” однополярному миру, если процесс ее интеграции и более тесного объединения будет успешно продвигаться с должным вниманием и уважением к национальной идентичности ее членов, к обеспечению массовой поддержки этого процесса и не будет заморожен национальным эгоизмом» (с. 274). Но Россия не может оставаться сторонним наблюдателем или даже благожелательно настроенным “болельщиком” Европы и европейцев. России стоило бы твердо отстаивать свой национальный интерес и в отношениях с США, и в отношениях с Европой (как с единой, так и с каждой европейской страной).

Пожалуй, наиболее серьезный вызов гегемонии США, утверждает Брутенц, зреет в недрах бывшего “третьего мира”, там, «где находятся “встающие государства – державы” XXI в., как окрестил их американский публицист Ф. Леверетт» (с. 275). Автор называет феномен “встающих государств” крупнейшим событием послевоенной эпохи (с. 347–348). обстоятельно описав эволюцию, проделанную в последние десятилетия Китаем, Индией и Бразилией, Брутенц подчеркивает, что ни с одним из этих государств США не заинтересованы всерьез конфликтовать, ни одно из них, включая Китай, тоже не хочет существенного обострения отношений с США. Не исключено, именно это обстоятельство способно внушить умеренный оптимизм: упомянутые государства составляют внушительную экономическую, военную и политическую силу, а если приплюсовать к ним Европу и Россию, то это может стать весьма надежной гарантией успешного ответа человечества на грозящие ему вызовы. При условии, конечно, их желания, готовности и способности конструктивно сотрудничать на мировой арене.

По мнению К.Н. Брутенца, “можно говорить о начавшейся радикальной реструктуризации международных отношений”, во всяком случае, полагает он, “мы вступили или вступаем в новую эпоху”, что позволяет нам говорить даже о “заре великой геополитической и геоэкономической революции” (с. 348). Вместе с тем мне кажется крайне важной его оговорка несколькими строками ниже. Приведем ее полностью: “XXI век, надо надеяться, не будет ни веком Азии, ни веком Америки, ни веком Европы. Время таких подходов и концепций безвозвратно прошло. Мир уже стал небывало многообразным и будет еще многообразнее благодаря выходу из политического анабиоза все новых действующих лиц. Он уже беспрецедентно многоцветен и представляет

картину множества заявляющих о себе стран, народов, цивилизаций, культур. Любые центристские теории жизни и развития нашей планеты не только противоречат целостной парадигме мировой истории. Они несут в себе эгоцентристскую, дискриминационную, экспансионистскую логику доминирования. XXI в. будет полицентрическим, если угодно, концентрическим. Он будет веком и Европы, и Азии, и Америки, и Латинской Америки, и Африки. Иначе человечеству не выжить – оно сгорит в пламени конфликтов” (с. 354).

Возможно, все будет именно так. Надо надеяться, что именно так, подчеркивает автор книги. И с ним нельзя не согласиться.

* * *

В 90-е годы России пришлось, по удачному выражению Брутенца, заново “обжиться” в мире, привыкать, что она уже не сверхдержава, но ради поддержания международной безопасности, вынуждена проводить политику как бы сверхдержавы. Не оттого ли для Кремля так велик был соблазн отойти на второй план, протягивая ножки по одежке? Легко ли было этому искушению не поддаться? Да и существовал ли у нее тогда иной выбор? Какой?

У Брутенца свой взгляд на новейшую историю России, которую он решительно разделяет надвое: ельцинскую – к ней он относится весьма критически, и нынешнюю – путинско-медведевскую. Хотя, на мой вкус, при всей правомерности (и даже необходимости) серьезной критики очень непростых 90-х годов, нельзя не обратить внимания, по меньшей мере, на два принципиального характера обстоятельства: во-первых, 90-е годы были порождены всем предшествующим развитием СССР, а “приближены” десятилетием горбачёвской перестройки, о которой так блестяще написал сам Брутенц³; во-вторых, как бы ни был слаб и зыбок фундамент, оставленный ельцинскими 90-и годами в наследство России путинской, но именно на нем в принципе успешно выстраивается за последнее десятилетия новая политика новой России.

Бесспорно, просчетов и ошибок ельцинское руководство в 90-е годы допустило, в том числе и в международной политике, более чем достаточно. Резко и во многом заслуженно критикуя за них Б.Н. Ельцина, Брутенц справедливо замечает, что первому президенту России есть что поставить и в заслугу, например, “приставной стул в семье”, вступление в Совет Европы. Главное же, думается, состоит даже не в этом: взяв под контроль все советское оружие массового уничтожения, Россия обязалась твердо выполнять принятые СССР на себя обязательства в сфере контроля над ним и поддержания международной безопасности. Это, по существу, и удержало от развала саму Россию, и спасло мир от ядерной катастрофы.

Похуже, нынешняя правящая элита России урок из советско-американского опыта времен “холодной войны”, а также из российской истории 90-х годов извлекла и куда успешнее, чем американская. К такому выводу приходишь, читая последнюю часть этой книги – “Россия: борьба за возвращение”.

Сегодня вряд ли можно предсказать, каким станет мир в первой половине нынешнего века. Но он, наверняка, не будет напоминать ни годы “холодной войны” (двухполюсный мир), ни конец XX столетия, когда создавалось впечатление, будто мы входим в долгий период мира однополюсного. Да и как во всех подробностях просчитать, во что обойдется начавшаяся в 90-х годах прошлого века радикальная перестройка международных отношений, каковы ее риски и вызовы? Брутенц не ставит перед собой такой цели. Он ограничивает себя задачей “поразмывать о некоторых проблемах, связанных с выработкой политической стратегии России в XXI в.” (с. 5). И четко формулирует свой выбор: для России, убежден он, наиболее приемлема политика “протянутой руки как в отношении США (не соглашаясь, разумеется, с их – как и с любой другой – гегемонией) и тем более Европы, так и в отношении новых рождающихся влиятельных сил на мировой арене, роль которых в XXI веке будет неуклонно расти” (с. 6).

³ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Нравнодушные заметки о перестройке. М., 2005.

Россия еще только на пути к выработке своей долгосрочной внешнеполитической стратегии. Но она с каждым годом все более укрепляет свои позиции, все заметнее усиливает свое воздействие на развитие мировых процессов, вновь обретая авторитет и уважение как великая и миролюбивая держава. И, пожалуй, самое существенное завоевание российской внешней политики первого десятилетия XXI в. состоит в том, что она перестала крениться то на Запад, то на Восток, поскольку, совершенно прав Брутенц, ей «показана» стратегия, которая тщательно учитывает ее уникальный статус двухконтинентальной державы» (с. 436).

Автор избегает набивших оскомину утверждений, что, мол, одна часть России принадлежит Европе, а другая Азии. С советских времен такое механическое складывание СССР из Европы и Азии бралось на вооружение всякий раз, когда хотели оправдать очередной крен советской внешней политики то на Запад, то на Восток. К.Н. Брутенц совершенно прав, напоминая: мы и не скифы, и не азиаты, мы – самостоятельная цивилизация, наравне с другими, такими, скажем, как средиземноморская, арабская, китайская, индийская и т.д. «Россия, – пишет он, – не принадлежит не только Западу, не только Востоку. Она одновременно и западная, и восточная страна. Это не эклектическое смешение разных культурных континентов, не механическое их соединение, а органический синтез, породивший новую самобытную, самостоятельную цивилизацию, целый цивилизационный материк, своеобразный инакомыслящий и инакочувствующий организм, со своими традициями, сформированными нашей долгой и богатой историей, и своим взглядом на самих себя и окружающий мир, со своими мифами, которые всегда и у всех цивилизаций представляют собой важную составляющую их культуры. Мы не превращаем все это в культ или орудие отчуждения от остального мира, но вряд ли стоит ожидать от нас (как и от других) отказа от такого своеобразия. И все попытки, и расчеты целиком нас “вестернизировать” – безнадёжное, а главное – ненужное, вредное занятие» (с. 439–440).

И еще одно, очень существенное добавление делает автор: конфронтационный подход противопоставлен российской внешней политике даже с чисто практической точки зрения. Не делая выбора между Востоком и Западом, пишет он, Россия “сохраняет максимальную свободу внешнеполитического выбора” (с. 444), а потому ей «одинаково вредны как американофильство “западников”, так и антиамериканизм “патриотов”» (с. 454).

Задолго до Беловежской пуши, на которую сейчас многие взваливают ответственность за все проблемы современной России, А.И. Солженицын предупреждал, что “сам выход из коммунизма” будет для Советского Союза очень тяжелым, связывал это и с возможным взрывом националистических, сепаратистских настроений в советских республиках “Подходит время нам, нравится или не нравится, – писал он, – платить по всем векселям о самоопределении, о независимости, самим платить... Великая ли мы нация, мы должны доказать не огромностью территории, не числом подопечных народов, – но величием поступков. И глубиной вспашки того, что нам останется за вычетом земель, которые жить с нами не захотят”⁴. Но только сейчас, судя по всему, приходит понимание необходимости и платить, пусть даже не по своим счетам, и быть по отношению к бывшим республикам, говоря словами Солженицына, “мягче, терпимее, разъяснительнее”, что только и способно подкрепить надежды восстановить на иной основе единство в будущем.

К.Н. Брутенц предлагает несколько элементов, которые, по его мнению, могли бы быть положены в основу долгосрочной стратегии и гибкой тактики России на постсоветском пространстве. Это: дифференциация внешнеполитических и внешнеэкономических связей с молодыми государствами; разнотемпное и разноформатное сотрудничество; наращивание экономической базы сотрудничества России со странами СНГ, долгосрочность его; терпение и гибкость, умение и желание работать и на будущее; противодействие недружественной линии Вашингтона и Запада вообще на постсовет-

⁴ Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ, т. 3. М., 1989, с.47–48.

ском пространстве; расширение военно-технического сотрудничества; существенное повышение внимания к национальным диаспорам в России и нашим соотечественникам в странах СНГ (с. 470–474).

Интеграция на постсоветском пространстве только в нынешнем десятилетии стала приобретать реальные, хотя пока еще весьма скромные черты. Сейчас российское руководство, похоже, осознало, что решение именно этой задачи должно стать главным стратегическим направлением нашей внешней политики. Успех же России в ее решении способен оказать определяющее воздействие на превращение бывших советских республик в наших добрых соседей, которые, живя отдельно от нас, как пророчливо предвидел А.И. Солженицын, тогда “быстро ощутят, что не все проблемы решаются отделением”.

Россия, напоминает К.Н. Брутенц, не раз доказывала, что «ее жизнь, ее судьбу не измерить “аршином” холодного, стандартного расчета и равнодушных умозрительных выкладок. На протяжении своей беспокойной истории она не однажды демонстрировала особую жизненную силу, незаурядную способность возрождаться, чудесным образом находить в себе силы вновь стать великой Россией... Поводом для осторожного оптимизма служит то, что Россия, как мы пытались показать, уже ступила на этот путь» (с. 501–502).

Избавление от “холодной войны” – бесспорное благо. Но мировому сообществу приходится и до сих пор за него платить, прежде всего, утратой стабильности на международной арене. Теперь приходится искать пути к выстраиванию совершенно новых основ поддержания международной стабильности, а это оказалось крайне непросто, и пока данный процесс нельзя назвать завершенным.

В первом десятилетии нового века искушения начала 90-х годов, может, у кого-то в элитах США и России и остались. Но ни России “уйти на вторые роли в мировых делах”, не поступившись своими национальными интересами и национальной безопасностью, оказалось попросту делом невозможным, ни США навязать человечеству однополярный мир, сделать его устойчивым и долговечным не удалось, да и не могло удаться. Это поставило перед мировым сообществом задачу выработки такого сценария международной жизни, при котором верховенствовало бы право и уважение законных интересов каждой нации. И если она будет решена, это, вне всякого сомнения, поможет миру избежать и дестабилизации, и глобального конфликта. Иное дело, как ее решить.

К.Н. Брутенц видит один из возможных ответов на вызовы новейшего времени, в частности, на “кризис капитализма, прежде всего в его американской версии”, на путях “конвергентного развития человеческих обществ”, т.е. соединения преимуществ капитализма и социализма и отказа от их ущербных свойств и слабостей (с. 507). О конвергенции много говорилось в 60–70-е годы прошлого века на Западе в среде левой интеллигенции (в том числе и у нас в шестидесятнических и диссидентских кругах) как об антитезе “классовому противоборству” на мировой арене. Не было ли это иллюзией, прекраснотушной утопией? А сейчас? Где тот капитализм и тот социализм, которые могли бы составить органичный сплав, о чем мечтали левые интеллектуалы по обе стороны баррикад “холодной войны”? Автор, видимо, не случайно говорит об этом вскользь и завершает посвященный этому абзац довольно пессимистическим замечанием: “Но возникает вопрос, на который пока не видно ответа: если верна постановка проблемы конвергентного развития, то кто, какие силы будут претворять его в жизнь?” (с. 507).

Это единственный в книге пассаж, который производит впечатление декларации. Во всех же остальных случаях автор четко выражает и обосновывает свою точку зрения. И потому его книга не беспристрастна, она способна вызвать несогласие, спор, но она не публицистична в расхожем смысле этого слова. Напротив, она скрупулёзно основательна. Ни одному своему утверждению автор не предлагает поверить на слово. Книга буквально соткана из подробностей: фактов, статистики, сопоставления мнений ученых, политиков, государственных деятелей. Иногда даже кажется, что этих

подробностей чересчур много. Но обилие подробностей и доказательств, от которого читатели наших газет и зрители телевизионных “шоу” уже отвыкли, превращают даже стёршиеся от частого (и нередко бездумного) употребления публицистические клише в тезисы, заслуживающие по меньшей мере обдумывания, да и сами эти тезисы обретают плоть и кровь. И потому завершающая книгу мысль Брутенца не выглядит ни неожиданной, ни банальной: “Мы еще не знаем всех последствий происшедшего, происходящего и предстоящего. И, что особенно важно, мир, несомненно, плохо подготовлен к наступившей эпохе крутых перемен” (с. 509). Это – просто факт. И очень тревожный.

Впрочем, такова уж доля современников: им всегда трудно представить себе итог свершающихся на их глазах перемен. Всегда, потому что, как полвека назад заметил выдающийся философ А.Ф. Лосев, “в истории только ведь и существуют одни переходные эпохи, все эпохи в истории – переходные”. Но “истории для современников”, подобные книге К.Н. Брутенца, помогают понять, по крайней мере, масштабы и характер очередной переходной эпохи, возможные блага и выгоды, риски и вызовы, которыми эти перемены чреваты.